

ЖУКОВА А. Н.

ИНКОРПОРАТИВНЫЙ КОМПЛЕКС КАК СЛОВСОЧЕТАНИЕ В ЯЗЫКАХ ЧУКОТСКО-КАМЧАТСКОЙ ГРУППЫ

Инкорпорация в чукотско-камчатских языках характеризовалась с самого начала ее изучения как неотъемлемая и специфическая черта грамматического строя этих языков [1]. Инкорпоративные комплексы типа чук. *гачъақаанмылэн*, кор. *зачъ'ықоянмаллэн* «жирного оленя убил»; чук. *тым-эйңылэвтыпытыркын*, кор. *тыкужэйңылэв'тытг'ылың* «у меня очень болит голова» не могли не привлечь внимания североведов при первом ознакомлении с языками чукотско-камчатской группы. Вызывали интерес и комплексы, глубина которых превышает среднюю, например, кор. *Ынно аяти майңы-пэты-онмы-кайңы-в'анэвтың* «Он провалился в большую старую глубокую медвежью берлогу». Инкорпоративные комплексы такого типа обнаруживаются в текстах. Однако в эксперименте коряки указывали на предпочтительность комплексов *майңыкайңы-анэвтың* («в большую медвежью берлогу» или *пэтыкайңы-анэвтың* «в старую медвежью берлогу», явно противодействуя употреблению комплекса большой сложности.

Разные подходы к исследованию проблемы инкорпорирования проанализированы в общих чертах П. Я. Скориков [2].

При всей неравномерности изучения и описания синтаксиса палеоазиатских языков, располагая самыми общими сведениями о способах выражения синтаксической связи, языковеды обратили внимание на сходство и различие инкорпорирования и примыкания. Особенно остро был поставлен вопрос (как дилемма — инкорпорирование или примыкание?) в отношении нивхских инкорпоративных или «так называемых инкорпоративных» комплексов [3—8].

Изучая примыкание в типологическом плане, И. И. Мещанинов считал, что при типологических сопоставлениях примыкания и инкорпорирования «представляется некоторая возможность ближе подойти к освоению используемых языком синтаксических приемов соединения и слияния слов, посредством которых передаются переменные признаки атрибутивных членов» [9].

Анализ различных случаев примыкания в чукотско-камчатских языках приводит к выводу, что в этих языках примыкание не связано неразрывно с препозицией зависимого слова. Примыкание может осуществляться и в постпозиции зависимого члена словосочетания, например, чук. *эпиңкулин нуунри* «прыгнул туда»; *Лыңиңыткульын гролмакы* «Очень гористая местность вокруг».

При инкорпорировании возможна только препозиция зависимого компонента комплекса. Например, в кор. *Кумэлэйгулэньңынин нутэнут* «Хорошо знает тундру» зависимый компонент -мэл- «хорошо» может находиться только в непосредственной препозиции к главному компоненту инкорпоративного комплекса, глаголу *йыгулэтык* «знать». Наречие же *нымэлэ'эв* «хорошо» примыкает к глаголу или препозитивно или постпозитивно: *Нымэлэ'эв куйгулэньңынин нутэнут* «Хорошо знает тундру»; *Нутэнут куйгулэньңынин нымэлэ'эв* «Тундру знает хорошо».

С выражением синтаксической связи способом примыкания для многих нефлективных языков сопряжены сложные вопросы разграничения слова и соотнесенных с ним единиц — слова и основы слова, основы слова и корневой морфемы, слова и словосочетания.

Для языков чукотско-камчатской группы проблема соотношения этих понятий связана с инкорпорированием.

Представление о том, что инкорпоративный комплекс «многокорневая структура», распространен весьма широко [10—12], хотя в работах по чукотско-камчатским языкам компоненты инкорпоративных комплексов не сводятся к корневым морфемам.

Вопрос о морфологической характеристике компонентов инкорпоративных комплексов не представляется формальным. Если в пределах комплекса объединены компонент, внешне совпадающий с основой, и слово, можно ожидать обнаружения между ними отношений иных, чем при соединении «основы и основы» или «корня и корня». Таким образом, при описании чукотско-камчатских языков безразличен вопрос о соотношении членов триады корень — основа — слово. Характерно, что с самого начала изучения инкорпорации параллельно употреблялись наименования «корень» и «основа». Различению этих понятий не придавалось значения. Позже были внесены уточнения и подчеркнута возможность употребления в инкорпоративном комплексе наряду с корневыми (resp. непроезводными) и производных основ [13].

Существенным представляется то, что в роли зависимых компонентов комплексов всех типов преимущественно употребляются лексически и семантически простые, не перегруженные словообразованием компоненты, которым внешне соответствуют непроезводные основы, совпадающие, в свою очередь, с корневыми морфемами. Например, в типичном чукотском инкорпоративном комплексе *вэзмимлык* «в речной воде» (соответственно в корякском *в'эзмимлык*) зависимый компонент именного комплекса — *вэзм*. Этот компонент внешне совпадает с корневой морфемой *вэзм-*, например, *вэзм-кин* «речной, имеющий отношение к реке», с непроезводной основой существительного — *вэзм-ык* «на реке», с формой им. падеж ед. числа существительного *вэзм* «река». Такое совпадение отнюдь не обязательно. Например, компонент *аңқа-* корякского инкорпоративного комплекса *аңқамэлык* «в морской воде» совпадает внешне с корнем — *аңқа-кэн* «морской», с основой существительного *аңқа-к* «в море», но не совпадает с формой абсолютного падежа ед. числа существительного *аңқа-н* «море».

Определению статуса зависимых компонентов инкорпоративного комплекса, используя данные и чукотско-камчатских языков, вскрывая противоречия в определениях инкорпорации, большое внимание уделяет в своих работах В. З. Панфилов. Тот факт, что зависимые компоненты инкорпоративного комплекса выступают в составе словосочетаний в форме, совпадающей с основой, В. З. Панфилов соотносит с достаточно широко распространенным явлением — совпадением с основой одной из форм слова [14].

В чукотско-камчатских языках грамматическую завершенность в дополнение к лексической самостоятельности слово получает только при включении в активные отношения с другими словами в предложении. Так, чукотское слово *вэзм-ык* «в реке» состоит из основы *вэзм-* и падежного аффикса *-ык*, служащего средством связи с другими словами для включения слова в предложение, например, *Вэмык нымкыкэн ымнээн* «В реке много рыбы» (соответственно кор. *В'эмык амкыка ыну*). Рассмотрим далее с той же позиции зависимый компонент *вэзм-* чукотского инкорпоративного комплекса *вэзмимлык* «в речной воде» из предложения *Вэзмимлык нывагэн ымнээн* «В речной воде есть рыба». В последнем случае *вэзм-*, зависимый компонент инкорпоративного комплекса, представляет собою основу *вэзм-* + обязательная непосредственная препозиция по отношению к главному компоненту комплекса. В данном случае главный компонент комплекса — *имлык* «в воде» — существительное в форме местного падежа. Полную аналогию находим при рассмотрении корякских инкорпоративных комплексов в разных диалектах: *в'эзмимлык*, *в'аяммимлык* «в речной воде». Обязательность непосредственной препозиции зависимого компонента по отношению к определяемому им слову и есть в данном случае формальное средство его связи с этим словом.

Внешнее сходство зависимого компонента комплекса с корневой мор-

фемой или с основой не означает их тождества. От «самостоятельно оформленного слова» зависимый компонент инкорпоративного комплекса формально отличается только отсутствием словоизменительного аффикса, но это и сигнализирует об их функциональном различии. Отличие основы слова от словоформы тоже заключается в отсутствии/наличии словоизменительного аффикса. Отличие же корневой морфемы от слова совсем иного рода. Если корень в чукотско-камчатских языках явление морфолого-семантическое, то основа — морфолого-функциональное.

Внешнее совпадение зависимого компонента комплекса с корнем и со словом отнюдь не обязательно, но и слово в чукотско-камчатских языках не всегда совпадает с основой, а основа с корнем. Зависимый компонент инкорпоративного комплекса внешне всегда совпадает с основой, и это не случайное совпадение. Основа слова в чукотско-камчатских языках — потенциальный член синтаксической конструкции. При актуализации этой потенции основой склоняемого или спрягаемого слова используется широкий выбор средств связи с другими словами — вся система форм изменяемого слова, например, в корякском языке — *в'эем-ык* «у реки», *в'эем-э* «рекой», *в'аям-этың* «к реке», *в'аям-ыңко* «с реки», *в'аям-гыпың* «по реке» и так далее. Вместе с тем в каждом конкретном случае выбор единичен, определен синтаксической связью слова в составе словосочетания и предложения: *В'эемык чеймык куюнэтың* «(Он)у реки живет»; *В'аям-гыпың кулэң качер* «По реке идет катер».

Основа как составная часть зависимого компонента инкорпоративного комплекса тоже получает грамматическое завершение, для чего используется обязательная непосредственная препозиция по отношению к главному компоненту комплекса: *В'эемжимык амкык мигив'в'и* «В речной воде много мальков»; *В'аямжэмыңко этонэн* «Из речной воды достал». Зависимый компонент комплекса может быть определен как эквивалент слова.

О главном компоненте инкорпоративного комплекса в каждом конкретном случае можно сказать имя это или глагол и дать его грамматическую характеристику. Главный компонент любого инкорпоративного комплекса в чукотско-камчатских языках — грамматически завершенное слово, что особенно отчетливо можно показать на простейших примерах: кор. *майңыв'алата*, чук. *майңывалата* «большим ножом» — *в'алата*, *валата* «ножом»; *майңыв'аямгыпың*, *майңываамгыпы* «по большой реке» — *в'аямгыпың*, *ваамгыпы* «по реке»; кор. *майңачачгатык* «сильно смеяться» — *ачачгатык* «смеяться», *майңачачгатэ* «сильно смеялся» — *ачачгатэ* «смеялся».

Сочетание компонентов инкорпоративного комплекса рассматривается нами как один из видов словосочетания — атрибутивное словосочетание. При этом принимаются во внимание отличительные черты инкорпоративного комплекса. Отличие инкорпоративного комплекса от словосочетания, компоненты которого соединены другим способом синтаксической связи, например, управлением или примыканием, не сводится только к технике оформления синтаксических групп в составе предложения. Прежде чем раскрыть это отличие, необходимо аргументировать соотношение инкорпоративных комплексов с другими типами словосочетаний.

Целесообразно сопоставить данные об инкорпоративных комплексах в чукотско-камчатских языках с теми представлениями, которые сложились на основе изучения словосочетаний в разных языках.

1. Инкорпоративный комплекс состоит из двух или более компонентов. Соответствующим является и состав словосочетаний в разных языках. И для инкорпоративного комплекса, и для словосочетания характерно различие простых, состоящих из двух компонентов, и сложных структур. «Многоосновные» многокомпонентные инкорпоративные комплексы соотносятся в общих чертах со сложными словосочетаниями. Многокомпонентные комплексы, извлеченные из контекста (главным образом, из контекста разговорной речи), в своем подавляющем большинстве беспорочно двучленны. Двучленность обусловлена семантическими связями между компонентами комплекса. Два зависимых компонента инкорпоратив-

ного комплекса могут быть объединены между собою семантически (сложное слово — крайний случай проявления такой связи) или один из зависимых компонентов более тесно и постоянно связан с главным, чем другой. Так, в чукотском инкорпоративном комплексе *мач'-ақа-йықы-қамэтва'ат* «довольно плохо наспех поели» значения компонентов комплекса распределяются попарно: *мач'-ақа* + *йықықамэтва'ат* «довольно плохо + наспех поели», причем объединенный признак *мач'-ақа* «довольно плохо» относится к глаголу, уже осложненному другим признаком *йықы-қамэтва'ат* «наспех поели». «Многоосновность» не является столь характерной для инкорпорирования, как это представлялось при первом ознакомлении с языками чукотско-камчатской группы.

2. Характерно, что не только в отношении членов инкорпоративного комплекса, за которым укрепились репутация явления специфического, предпринимались попытки как-то терминологически отграничить составные члены комплекса от членов предложения, но и в отношении словосочетания есть аналогичные попытки отграничения синтаксической функции внешней, для связи с другими членами предложения, и внутренней, внутри словосочетания. Предложен, например, термин «синтаксический элемент» в отличие от «член предложения» [15].

3. Внутри инкорпоративного комплекса отношения между компонентами определены как отношения главного и зависимого. Этот признак — неоднородность компонентов — свойство не только инкорпоративного комплекса. Чрезвычайно существенно, что вопрос о неоднородности элементов языка ставится кардинально — как о фундаментальном свойстве элементов всяких систем, и прежде всего функциональных [16].

Неоднородность компонентов инкорпоративного комплекса выражена не только содержанием отношений между компонентами комплекса (предмет и его признак, процесс и его признак), но и формально. Главный компонент комплекса — словоформа, агглютинативно оформленное слово. Зависимый компонент морфологического показателя синтаксической связи, как правило, не получает.

4. Инкорпоративный комплекс образуется на основе подчинительной связи так же, как и большинство словосочетаний. Иерархическая организация комплекса соответствует в основных чертах организации словосочетания.

5. Особое значение придавалось цельюоформленности инкорпоративного комплекса как отличительному его признаку, сближающему комплекс со словом. Словоизменятельный аффикс дан один на весь инкорпоративный комплекс. Самостоятельность словоизменения, грамматического оформления зависимого члена подчинительного словосочетания тоже относительна. Хорошо известна и «цельюоформленность» словосочетаний в агглютинативных языках, а также тенденция к монофлексии в немецком языке, в иберийско-кавказских языках. Цельюоформленность инкорпоративного комплекса еще не обуславливает принципиального отличия комплекса от словосочетания.

6. Общее для инкорпоративного комплекса и словосочетания можно увидеть в том, что при описании комплексов, как и при описании словосочетаний, приходится прибегать к морфологической, а не к морфемной характеристике компонентов.

7. Для выражения внутренней связи между компонентами инкорпоративного комплекса используется прием непосредственной контактной препозиции зависимого компонента по отношению к главному. Эта связь аналогична примыканию, основанному на соположении определения и определяемого с обязательной препозицией определения в составе словосочетания. В структуре словосочетания используется порядок морфологически завершенных слов, таким образом, примыкание — средство связи между словами, лишь аналогичное по типу инкорпорированию в чукотско-камчатских языках.

8. Известная «зыбкость граней» между инкорпоративными комплексами и сложными словами типа *ыныулавоа* «старик» соотносима с аналогичными колебаниями между словосочетаниями и сложными словами. Ко-

лебания эти отмечены, по существу, во всех языках, в которых есть композиты.

9. Изменение логико-грамматического (актуального) членения предложения приводит в чукотско-камчатских языках к перестройке инкорпоративных комплексов — атрибутивных словосочетаний в составе предложения. Аналогичным образом влияет изменение логико-грамматического членения предложения на словосочетания, синтаксические группы в составе предложения в других языках.

Следует отметить, что изменение логико-грамматического членения предложения не затрагивает сложные слова в языках чукотско-камчатской группы. Перестройке подвергаются лишь инкорпоративные комплексы как атрибутивные словосочетания в составе предложения. Реакция на изменение актуального членения предложения служит одним из средств различения инкорпоративных комплексов и композитов в языках чукотско-камчатской группы.

10. Функциональная сторона инкорпоративного комплекса определяется, раскрывается в составе предложения. Особенности функционирования словосочетания могут быть определены тоже только через предложение.

11. Порядок следования зависимого/зависимых и главного компонентов инкорпоративного комплекса твердо определен. Непосредственная препозиция зависимого компонента — обязательное условие конструирования комплекса. Этот порядок не может быть изменен без нарушения значения или даже перестройки всего инкорпоративного комплекса в составе предложения.

Сведения о порядке расположения членов словосочетания — неотъемлемая часть описания словосочетаний в различных языках, что является еще одним из общих признаков словосочетания и инкорпоративного комплекса.

12. Характерные черты инкорпоративного комплекса, которые представлялись особенностями одного из способов образования новых слов, в действительности соотносятся с признаками словосочетания как номинативной единицы. Инкорпоративные комплексы в чукотско-камчатских языках, являясь атрибутивными словосочетаниями, соотносятся как средство выражения атрибутивной номинации со словами, выражающими простую номинацию. Если атрибут перестает ощущаться атрибутом, комплекс передает простую номинацию и становится сложным словом. Соотношение между инкорпоративным комплексом и сложным словом аналогично соотношению между атрибутивным словосочетанием и сложным словом.

13. Именно в связи со словосочетанием часто поднимается вопрос о синтагматическом членении речи и синтагме как фонетическом и семантико-синтаксическом единстве [17, 18].

Соотнести инкорпоративный комплекс с синтагмой побуждает, в частности, распространение на него действия сингармонизма гласных и чередования согласных в чукотско-камчатских языках. Действие сингармонизма гласных в пределах не только слова, но и инкорпоративного комплекса представляется сопоставимым с проявлением других фонетических и морфонологических закономерностей в рамках словосочетания того или иного типа.

Сопоставительное изучение инкорпоративных комплексов в чукотском и корякском языках позволило охарактеризовать инкорпоративный комплекс как словосочетание. Сравнение по аналогии существенных признаков инкорпоративных комплексов и словосочетаний подтверждает предположение о соответствии инкорпоративных комплексов словосочетаниям в других языках.

Значительная неравномерность исследования разных сторон инкорпорирования объясняется тем, что описание внешних признаков закономерно предшествовало проникновению в суть такого многомерного явления, как инкорпорирование, установлению связей между его разнородными признаками.

Морфологический анализ был и остается существенной частью исследования инкорпорирования. В процессе изучения инкорпоративных комплексов уточнялась морфологическая характеристика компонентов комплекса. Утверждение о том, что в комплекс входят корни слов, смее-лось определением компонентов комплекса как основ слов и, далее, дифференцированным определением главного и зависимого компонентов.

Вместе с тем морфологический анализ и тем более морфемный не вскрывает всех существенных свойств инкорпоративного комплекса.

Рассматривая меру специфичности инкорпорирования, необходимо было обратиться к определениям грамматически зависимых компонентов словосочетаний в других языках.

Зависимый компонент инкорпоративного комплекса в чукотско-камчатских языках грамматически ориентирован на тесную связь с главным, и «несамостоятельность» его относительна, грамматически обоснована. Это не некая несамостоятельность, возникшая из-за неопределенности, неравности, специфичности морфологических средств. Прием инкорпорирования используется для выражения атрибутивных отношений, для конструирования атрибутивных словосочетаний. Инкорпорирование входит в один ряд с другими видами подчинительной связи слов в предложении: согласование, управление, примыкание, инкорпорирование.

Определение инкорпоративного комплекса в чукотско-камчатских языках как атрибутивного словосочетания несколько снимает остроту вопроса об арханке и генезисе инкорпорации. Оснований видеть в инкорпоративном комплексе слово-предложение не больше, чем для обнаружения слова-предложения в других видах словосочетания.

Противопоставление атрибутивной и предикативной связи слов в предложении требует дальнейшего углубленного изучения. В чукотско-камчатских языках это противопоставление на синтаксической основе служит целям выражения различного логико-грамматического членения предложения.

Углубленный анализ признаков инкорпорации лишает это явление покрова экзотичности и дает возможность обосновать направление дальнейшего исследования инкорпорирования в русле синтаксиса словосочетания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богораз В. Г. Луоравет анско-русский (чукотско-русский словарь). М.—Л., 1937, с. XIV.
2. Скорик П. Я. О соотношении агглютинации и инкорпорации (на материале чукотско-камчатских языков).— В кн.: Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.—Л., 1965.
3. Панфилов В. З. К вопросу об инкорпорировании.— ВЯ, 1954, № 6.
4. Панфилов В. З. Проблема слова и «инкорпорирование» в нивхском языке.— ВЯ, 1960, № 6.
5. Панфилов В. З. К типологической характеристике нивхского языка.— ВЯ, 1966, № 5.
6. Панфилов В. З. Философские проблемы языкознания. М., 1977, с. 111—112.
7. Крейнович Е. А. Об инкорпорировании в нивхском языке.— ВЯ, 1958, № 6.
8. Крейнович Е. А. Об инкорпорировании и примыкании в нивхском языке.— ВЯ, 1966, № 3.
9. Мещанинов И. И. Примыкание в различных синтаксических системах.— ВЯ, 1967, № 3, с. 14—15.
10. Азманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
11. Успенский Б. А. Принципы структурной типологии. М., 1962, с. 30.
12. Мельников Г. П., Озотина Н. В. Выявление детерминанты и классификация морфем банту (на материале суахили).— В кн.: Проблемы африканского языкознания. М., 1972, с. 13.
13. Скорик П. Я. Грамматика чукотского языка. Ч. I. Фонетика и морфология имен-ных частей речи. М.—Л., 1961, с. 97.
14. Панфилов В. З. Об определении понятия слова.— В кн.: Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.—Л., 1963.
15. Бурлакова В. В. Основы структуры словосочетания в современном английском языке. Л., 1975.
16. Солнцева Н. В., Солнцев В. М. Взаимодействие частей речи и членов предложения (на материале изолирующих языков).— В кн.: Члены предложения в языках различных типов. Л., 1972, с. 83.
17. Виноградов В. В. Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка.— В кн.: Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.
18. Щерба Л. В. Фонетика французского языка. 7-е изд. М., 1963.